

Я бы на твоём месте

Виктор затормозил у подножия лестницы, которая вела к крыльцу школы, и сначала не понял, что происходит — сын находился в центре группы одноклассников и почему-то метался от одного к другому. Виктор пригляделся — и сжал зубы от злости.

— Эй, Тихоня! Фас! — Парень восточной наружности призывно помахивал шапкой Тихона, но как только Тихон бросился к нему, перекинул шапку другу. — На! На! Возьми! Санек, пас!

Тихон резко менял траекторию, неуклюже выбрасывал нескладные руки, но шапка пролетала между ними.

Всем, кроме него, было очень весело.

— Тихунок, что же ты без шапочки? — кривлялся очередной мучитель. — Осень на дворе, мозги простудишь!

— Да какие мозги, Армен?! — отозвался сосед. — Сплошная кость!

Парни заржали, и один из них подкинул шапку Тихона максимально высоко, надеясь, что она повиснет, зацепившись за край крыши. Не вышло. Шапку поймал самый рослый, которого называли Арменом, и замахнулся, чтобы выкинуть ее в кусты.

Виктор выбрался из машины, но вмешаться не успел. В толпу, на ходу срывая с плеч рюкзак, торпедой врзалась невысокая, худая, коротко стриженная фигура. Не тратя времени на переговоры, она треснула рюкзаком по тому, кто держал шапку Тихона. Парень от неожиданности выронил добычу. Фигура результатом не удовлетворилась и продолжала орудовать рюкзаком, как палицей.

— Аринка, ты психованная! — возмутился кто-то, но тут же огреб орудием возмездия по лицу, ойкнул и отступил.

Только теперь Виктор сообразил, что в роли Зорро выступает девчонка, ровесница сына. Через несколько секунд пространство вокруг Тихона и психованной Арины было очищено.

Виктор стал торопливо подниматься по лестнице.

До Тихона добрался в тот момент, когда его спасительница пыталась счистить мокрый снег с шапки, приговаривая:

— Ну козлы же, да! Полные козлобараны!

Тихон заметил отца и вжал голову в плечи. Девочка тут же обернулась, чтобы оценить угрозу, замахнулась рюкзаком,

но успела притормозить.

— Ой, вы папа Тихона, да? Простите, я думала...

— В машину! — скомандовал Виктор.

Тихон спускался по ступенькам суетливо и бестолково, то и дело спотыкался, но ни разу не оглянулся. Он и так знал, что увидит за спиной — свинцовый, полный презрения взгляд отца.

Несколько кварталов Виктор гнал, подрезая всех подряд и проскакивая на красный. Потом слегка успокоился и спросил:

— Тебе сколько лет?

Тихон попытался проигнорировать вопрос, и тогда Виктор рявкнул:

— Лет тебе сколько?!

— Пятнадцать, — глухо ответил Тихон.

— Пятнадцать! — повторил отец. — А ведешь себя как... как сопляк малолетний! Да я бы на твоём месте...

— Их шестеро, — перебил сын. — Я один... Что я мог?

— Что ты мог?! — снова повысил голос Виктор. — В морду дать мог! Любому из них!

— Так их шестеро было, — огрызнулся Тихон. — А я один. Они меня бы замесили...

— Замесили? Они? Они даже от этой Арины сдриснули! Потому что она сопли не жевала! А мочила их направо и налево!

Тихон наклонил голову так, что уперся костлявым подбородком в грудь.

— Да она в сто раз больше мужик, чем ты! — Виктор никак не мог успокоиться. — А ты — баба! Хуже, чем баба!

До самого дома они не проронили ни слова. Только выходя из машины, Виктор сказал с горечью:

— Может, зря ты от матери ко мне переехал? Там, в бабском царстве, тебе самое место было...

Тихон ничего не ответил.

*

Арина вяло ковырялась в тарелке.

— Ешь, — сказала ей мама, клацая мышкой, — тебе нужно есть. Твоему организму нужны силы.

Арина кивнула и попробовала прожевать кусок курицы. Но он не жевался. Есть не хотелось.

— Мам, я тут подумала, — сказала она, — я не хочу больше ходить на тхэквондо.

— Да? — Жанна оторвалась от макета. — А я думала, тебе нравится.

— Мне нравилось. Сначала, — сказала Арина, — а теперь как-то...

Собственно, она и себе не могла объяснить, что «как-то», а маме тем более. Но маме и не нужны были объяснения.

— Да нет проблем, — сказала Жанна, — ты же знаешь, что абсолютно свободна. Бюджет тот же. Выбирай, что хочешь попробовать.

— Угу, — сказала Арина.

Жанна полюбовалась результатом на мониторе, наморщила лоб, вздохнула и вернулась к работе.

— Скоро как раз день открытых дверей в нашем Центре. Иди, посмотришься. Выбери себе что-нибудь новое.

— Угу.

И самой Арине эти «угу» казались однообразными.

— Ты как? — спросила Жанна.

— Норм, — ответила Арина, — только скучно. Все учатся как ужаленные. Девятый класс, на всех родители наезжают — экзамены же.

— Да? — удивилась мама. — Ах да, точно. Экзамены. А по каким предметам?

— Ты плохая мать! — с пафосом сказала Арина.

Они с мамой одинаково хрюкнули от смеха. А потом Арина отодвинула от себя тарелку и перелезла к маме на ручки.

— Я люблю тебя, — сказала мама.

Арина зарылась носом в теплый мамин свитер и закрыла глаза. Последнее время она все чаще чувствовала себя в невесомости. Ей даже снится стало, что она болтается в пустом пространстве и не знает, в какую сторону плыть. И только тут, рядом с мамой, мир становился устойчивым.

— Тебя никто не обижает? — спросила мама.

— Я похожа на человека, которого можно обидеть? — усмехнулась Арина.

И ухом почувствовала, что мама напряглась. Ухом — потому что именно оно прижималось к маминому животу.

Через секунду мама обняла ее голову обеими руками.

— Я порву на кусочки любого, кто посмеет хотя бы подумать, — сказала Жанна.

— Я знаю, — сказала Арина, — не надо меня душить.

Тихон сидел в своей комнате и рисовал.

Как он мечтал о таком отдельном месте, пока жил с мамой, ее двумя дочками и новым мужем. Муж был человек неплохой, молчаливый, но все равно — посторонний человек, который мог ввалиться в детскую в самый неподходящий момент.

Например, когда Тихон рисовал.

Тихон рисовал мангу и скрывал это от всех. Даже от мамы. Она опять потащила бы его на кружок, а там его опять заставили бы рисовать натюрморты. Единственный преподаватель, к которому Тихон хотел бы ходить, уехал жить за город, открыл свою студию, и мама отказалась платить такие деньги и возить так далеко. Мама, когда родила двойняшек, вообще от прежней жизни отказалась.

Когда два года назад Тихон понял, что взрослым можно говорить нет, началась война за переезд к настоящему папе. И папа, который до этого ограничивался алиментами и воскресными походами в кино, горячо сына поддержал. Через год морального кровопролития и опустошительного мозговывоспитательства мама сдалась. Папа тут же успокоился и снова забил на Тихона — наверное, ему было важно просто победить в схватке с бывшей женой.

Зато у Тихона появилась своя комната! Сюда даже отец заходил редко — чтобы поворчать про бардак и «в армии тебя научат постель застилать». Но обычно Тихон сидел тут в полном одиночестве и рисовал сколько душе угодно: папин спортбар работал допоздна, а папа старался уходить последним, чтобы проверить, все ли правильно закрыто и поставлено на сигнализацию.

Постепенно одиночество Тихону разонравилось. В пустой квартире было жутковато. Зато рисунки стали получаться все более кawaiiные. Однажды Тихон решился и выставил их на стене ВК. Само собой, под девчачьим именем — Тоня Розовая.

Успех пришел мгновенно.

У Тони образовалась своя фан-группа — большей частью из семи-, восьмиклассниц, которые радостно встречали каждую новую картинку, подолгу обсуждали, «какая она ми-и-лая», и требовали рисовать больше и чаще.

Обычно это помогало. Идеи рождались сами собой, исправлять ничего не приходилось.

Но сегодня настроение упало ниже плинтуса. Дело было не в придурках, которые играли с ним в собачку — такое

и раньше бывало. И не в Арине — Тихону было приятно, что она хоть так обратила на него свое внимание.

Но вот отец...

Папа Тихона был когда-то хоккеистом. Долго был. Чуть не попал в сборную. Но это «чуть» все и испортило. Тихон много раз слышал эту историю — как Виктора Шумова, гениального нападающего, не пустили на сборы из-за ерунды. Или из-за клеветы (версия менялась в зависимости от степени алкогольного опьянения отца). Он послал всех и ушел.

А когда родился Тихон, молодой папаша, бывший форвард СКА, обрадовался. Он думал, что сын им всем покажет. И назвал его в честь легендарного тренера...

Но Тихон оказался Тихоном-тихоней. Нескладным мальчишкой, который так и не научился стоять на коньках. Он подозревал, что родители из-за него и расстались.

Тихон посмотрел на сегодняшние наброски. Сплошная муть. Убрал незаконченные рисунки в стол и принялся листать свою стену...

Проснулся он оттого, что его тряс за плечо отец.

— Что это?! — спросил он сквозь зубы и ткнул в экран.

Тихон хлопал глазами и не мог ничего ответить от ужаса. Как объяснить папе-хоккеисту, что это просто рисунки. Ну да, немного девчачьи, но...

— Ты вот это в интернете смотришь?! — продолжал отец. — Вот эту... эти розовые сопли?! Ты мужик или нет?! Да я в твои годы порнуху смотрел! Дал же бог выродка!

Виктор яростно мотнул головой и вышел.

Тихон судорожно перевел дыхание. Обошлось. Отец ничего не понял. Тихон вырубил ноут, подумал и перепрятал свои наброски из ящика стола поглубже в шкаф.

*

Обычно Виктор сны не запоминал, но этот был такой яркий и детальный, что сразу стало ясно — не забудется.

Он шел по коридору американской хай-скул, и все на него оборачивались. Потому что во сне Виктор был капитаном футбольной команды и звездой школы. Кумир многих, а особенно верного Джона, оруженосца и одноклассника.

Хай-скул оказалась довольно схематичной. Видимо, в голове перемешались отрывки из каких-то штатовских сериалов, которыми он увлекался по молодости. Коридор, в котором кишат подростки. Шкафчики с вещами. Учителя,

одетые, как хиппи. Сухощавый улыбчивый старикан у входа — охранник.

И все смотрели на Виктора.

Он знал, как выглядит в этом сне — высоченный, с квадратным подбородком, короткой стрижкой и весь в буграх мышц. Девушки — все сплошь чирлидерши — глядели, приоткрыв рот.

Логика попыталась пробиться сквозь сон: «Чего они вылупились? Каждый день видят же!», но Виктор приказал логике заткнуться. Выбрал взглядом самую фигуристую чирлидершу.

Допустим, ее зовут Сюзан.

Она как раз болтала с каким-то прыщавым длинноволосым ботаном. Это было удачно.

Виктор двинулся прямо на ботана и снес его плечом. Пацан рухнул на пол, из плохо застегнутого рюкзака посыпались вещи. Оруженосец Джон преданно расхохотался. Сюзан подхватила.

— Хай, Сюзан! — улыбнулся Виктор, крепко сжимая одной рукой плечи девушки. — Прости, я тебя не зашиб... вот этим? — Он кивнул в сторону хлюпика, который торопливо собирал свои пожитки.

— Да все окей! — Сюзан кошачьим жестом поправила челку. — Ты на матч?

— Ага... Пора переодеваться. Не сможешь? — Он подмигнул чирлидерше.

— Может, позже. — Сюзан облизнулась так, что у Виктора все внутри загудело. — Удачи!

Он еще крепче прижал ее к себе и запустил руку под...

Виктор проснулся и понял, что сердце колотится так, что в ушах отдаёт. «Надо замутить с кем-нибудь, — подумал он. — Докатился. Подростковые эротические сны снятся». Повозился, устраиваясь поудобнее, и постарался увидеть тот же самый сон.

Но что ему снилось до утра, не запомнил.

*

Арина зашла в Центр детского творчества (которые все называли просто «Центр») от безысходности. Просто не хотелось сразу после школы идти домой, а она все равно гуляла и проходила мимо.

Пока тут было еще немногочисленно. К шести вечера начинался настоящий дурдом, когда толпы разных детей

вместе со своими еще более разными родителями перемещались по коридорам, теряя шарфы, папки с нотами, карандаши, джазовки и телефоны.

Два года назад Арина на дизайне делала проект «Забытые вещи». Она неделю ковырялась в огромных коробках с потеряшками, которые стояли у вахтера, и составила из них инсталляции. Преподаватель по дизайну не оценила. Зато оценил фотограф из соседней студии, и Арина переметнулась учиться к нему. А потом она подралась с восемнадцатилетним пацаном, потому что он назвал ее соплячкой, и ее забрал к себе тренер по тхэквондо. Тем более что фотоаппарат она разбила. Об глаз этого восемнадцатилетнего.

Короче, Центр Арина нежно любила, но сейчас ей казалось, что она его исчерпала. За столько лет она перепробовала почти все, что здесь предлагалось.

И тут ей на голову упала туфля.

Арина отпрыгнула и посмотрела вверх. На лестничной площадке этажом выше кто-то пыхтел и возился. С края площадки свесилось что-то белое и кружевное. В мозгу у Арины немедленно вспыхнули все мамины предостережения, но вместо того, чтобы бежать за помощью, Арина побежала наверх. И если бы там на самом деле кого-то обижали, виновный погиб бы от удара каблуком по голове.

Но там никого не обижали. Там, похоже, взорвался пакет со шмотками. И хрупкая молодая женщина в отчаянии смотрела на заваленную лестничную площадку.

— Мне загрузили его на студии. И вакуумом воздух откачали. И пакет не выдержал, — сказала она, — наверное, зря я его по лестнице волокла...

Оказалось, в Центре открывается новая студия. Что-то вроде учебного салона красоты. Визаж, макияж, история костюма — вся вот эта девчачья муть. И местная киностудия поделилась списанными костюмами.

Арина, естественно, вызвалась помочь, и они вдвоем с женщиной, которая назвалась Светланой, за несколько ходок перетасили содержимое лопнувшего пакета в комнату.

Чего там только не было! Платья, корсеты, плащи, панталоны, балетные пачки и еще куча всякой ерунды. Все это было не в очень хорошем состоянии, но чистое и пахло, как в секонд-хенде.

— Оставайся, — сказала Светлана, — будет весело.

Арина хмыкнула.

— Ой, вот это вот совсем не мое, — отмахнулась она.

Светлана внимательно ее осмотрела.

— Да ладно! — сказала она. — Я ж не собираюсь тут гламурных красоток разводить. Это как карнавал. Сегодня ты средневековая служанка, завтра современная бизнес-леди. Чтоб тебе было комфортно в любом образе, понимаешь?

Арина кивнула. Мама часто говорила про то, что жить должно быть комфортно.

— Смотри, какая красота!

Светлана кинула на стул белое кимоно.

— Примерь! Мне кажется, это твое.

— Я лучше вот это, — сказала Арина и вытащила из кучи одежды мушкетерский плащ.

Карнавалить действительно оказалось весело. Арина быстро вошла во вкус и расслабилась. Светлана фотографировала ее на мобильный, лихо меняя ей прически, закалывая пряди буквально двумя шпильками.

— Я на киностудии гримером работала, — объяснила она, — там иногда нужно за минуту актрису между дублями... Ого!

Арина натянула на себя то самое белое кимоно и встряхнула головой.

— Стоять! — сказала Светлана.

Глаза у нее загорелись, она метнулась к чемоданчику с косметикой.

— Стоять, — сказала она еще раз.

У Светланы даже черты лица заострились, она как будто перестала дышать. Арина тоже замерла, почувствовав себя холстом.

— Чуть вправо. Глаза открой. Закрой. Голову поверни.

Кисточки летали по лицу, было немножко щекотно, но Арина не хотела прерывать процесс, такой воодушевленной выглядела Светлана. Тем более что работала она очень быстро.

— Смотри! — сказала она, развернув Арину.

— Ага, — сказала та.

Она не сразу поняла, что перед ней зеркало.

Изображение было немного похоже на маму. Но оно было такое... Арина пыталась подобрать слова, но не могла.

— Беззащитная, — выдохнула Светлана.

Арина потянулась рукой к лицу.

— Не трогай! — сказала Светлана. — Я фотографирую.

Обычно бар «У Виктора» работал до последнего посетителя, но сегодня посетители закончились часов в восемь, а потом как отрезало. Вторник — день мертвый.

— Ничего, — успокоил Виктора бармен Коля. — В воскресенье Гран-при России, столики уже бронировать начали. Кстати, из «Ночной лиги» звонили, спрашивали, не хочешь ли шайбу погонять по старой памяти...

Виктор устало отмахнулся.

— Ну, я так им и сказал, — кивнул бармен.

— Коль, у тебя же два брата, так? — спросил Виктор.

— Два старших. И один младший, он в девятом сейчас.

— Как и мой! — обрадовался Виктор. — Слушай, у меня тут такой вопрос назрел...

Виктор нахмурился, подбирая слова. Через минуту у его руки сам собой образовался бокал с темной жидкостью и кубиками льда. После односолодового слова нашлись.

— Если пацан в пятнадцать лет смотрит всякие девчачьи картинки... типа аниме... Это вообще как?

— Не знаю, — покачал головой Коля, — братья у меня другое смотрели в это время... А чтобы аниме...

— Вот я и говорю!

— Но у меня был одноклассник, — продолжал Коля. — Он всякое розовое любил. Брючки носил в обтяжку. Говорил так... как москвич, короче!

— И? — насторожился Виктор.

— Оказалось, голубой! Встретил его недавно! С таким же... в обтяжку... Шли за ручку! Вообще оборзели!

— Оборзели, да, — рассеянно кивнул Виктор и закинул в себя остатки виски.

Но от добавки отказался.

— Знаешь что, Коля, — сказал он, — все равно никого нет. Закроешь тут все. А я... Мне кое-что проверить надо.

★

Тихона дома не оказалось.

Виктор направился в его комнату. Если Коля прав, то должны быть доказательства. А те картинки в интернете... Может, сын другие картинки искал, а нарвался на анимешки.

Он перерыл один ящик стола за другим, и постепенно отпускало. Старые журналы, зарядки, флешки, исписанные тетрадки по математике и русскому. Фантики, старый фонарик, засохшие до твердости булжника булки, фишки от каких-то игр...

Когда он добрался до шкафа, почти отпустило. «Да чего я, в самом деле, — думал Виктор, копаясь в учебниках, носках и футболках, — ну может, Тихону просто такие девочки нравятся. Или вообще случайно куда-то ткнул!»

Уже для проформы сунул руку в недра верхней полки и наугад вытащил несколько листов бумаги.

Те самые анимешки.

Некоторые недорисованные.

Наброски.

Эскизы.

Огромные глаза.

Синие челки.

Цветочки с бабочками.

Все оттенки розового.

Виктор принялся выгружать содержимое верхней полки.

Когда Тихон открыл дверь в свою комнату, он не увидел пола. Весь пол был усеян его рисунками.

— Ты их рисуешь! — сказал отец, который возвышался скалой в этом бело-розовом заливе. — Ты... Ты...

Тихон не отрывал взгляда от пола. Теперь, выложенные рядом, его рисунки казались ему дико неприличными. Наверное, виновато было выражение лица папы. Это было лицо человека, который остутился и ухнул в чан с нечистотами.

— Ты что, — выдавил из себя отец, — педик?

— А если да, то что?! — заорал Тихон. — Убьешь меня? На улицу выгонишь? Ноги переломаешь?

— Ты — голубой?! Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Да пошел ты!

Тихон выскочил из квартиры, не закрыв за собой дверь.

— Вернулся домой! — несло ему вслед. — Я тебя с полицией найду, понял?! Вернулся!

★

Жанна откинулась на спинку компьютерного кресла. Только что закончила рекламный буклет, заказчик которого просил, образно говоря, «нарисовать две зеленые линии, одна из них красная, а вторая прозрачная». Требования менялись на ходу, противоречили друг другу и законам полиграфии. А некоторые вообще не поддавались расшифровке — «нужно, чтобы душа трепетала!». Но Жанна справилась. Долгие годы фриланса не пропьешь. Хотя устала, как пожилой муравей.

Чтобы перевести дух, Жанна принялась листать фейсбук. Фейсбук не помогал, мозг отказывался выключаться.

«Пойду поем», — подумала Жанна и ткнула в ленту.

«Любой каприз!»

Эхо из прошлого.

На фото восточного вида девушка в кимоно стоит на коленях и нежно улыбается. И смотрит. Снизу вверх. Поза абсолютной покорности.

Жанна озверела мгновенно, еще до того как прочитала рекламную статью и увидела фотографию маркетолога, который разработал этот гениальный рекламный ход.

А когда рассмотрела фото, чуть не зарычала.

*

Тихон сидел над опустевшим стаканчиком чая в уютном углу фуд-корта и резался в гонки на телефоне. Изредка на экране возникал входящий от отца, но Тихон злорадно смахивал его в сторону. «Вот поищи, поищи! Побегай! — думал Тихон. — Потому что нечего рыться в чужих вещах!»

Наконец звонки прекратились.

И пришла эсмэска: «Если через 10 мин не перезвонишь, звоню в полицию. Готовься ночевать в обезьяннике».

Тихон поехал. Вообще-то, насколько он знал, никто несовершеннолетних в камеру не сажает. А с другой стороны... непонятно, что этот псих скажет полиции. И что потом, сидеть всю ночь взаперти? Он выждал девять минут и перезвонил.

— Чего? — сказал Тихон вместо «алло».

— Ты где?

«Наркоту с проститутками глушу», — хотел сказать Тихон, но сдержался. Судя по голосу папы, тот находился во взрывоопасном состоянии.

— В одном месте, — ответил Тихон.

— В «Сиреневом кролике»? — голос отца зазвенел. — Или в «Маракуйе»?

Это прозвучало так неожиданно, что Тихон ляпнул правду:

— Да на фуд-корте в «Скале». А что?

— Ничего. Сейчас заеду, никуда не уходи, — и бросил трубку.

Тихону показалось, что папу слегка отпустило. Он загуллил «Сиреневого кролика» и «Маракуйю» и с

интересом выяснил, что там тусуются представители секс-меньшинств.

«Он что, — поразился Тихон, — реально подумал, что я гей?!»

Первым порывом было перезвонить и объяснить, что папа ничего не понял, но потом Тихон пораскинул мозгами и решил, что так даже лучше. Похоже, отец просто взбесился, когда решил, что его сын голубой. «Ну и супер! — подумал Тихон. — Пусть попсихует! Заслужил!»

Поэтому по приезде папы ничего объяснять не стал. Гордо встал навстречу, расправил плечи и даже слегка улыбнулся. Почему-то роль гея наполнила Тихона уверенностью в себе. У него появилось что-то, над чем отец не имеет власти.

Всю дорогу до дома они провели в молчании.

*

Арина пришла из школы и застала маму в рабочем угаре. Ничего странного, нормальное мамино состояние. Арина собиралась тихонько стащить из кухни еды и забиться в комнату, но ее остановило радостное восклицание.

— Пятьсот репостов!

— Чего? — изумилась Арина.

Мама редко что-то выкладывала, разве что некоторые удачные свои работы. И никогда они не набирали больше пяти лайков вежливости от знакомых.

— О! Местный новостной портал подключился! — Мама прямо светилась от удовольствия. — Ну все, попал ты, мальчик!

Арина заглянула маме через плечо.

— Что случилось? — спросила она.

— Дураков надо наказывать, — буднично сказала мама, — в следующий раз будет головой думать, прежде чем такую рекламу выпускать.

— «Любой каприз!»! — прочитала Арина. — Я такой билборд видела на проспекте.

— Спорим, снимут? — сказала мама и обновила страницу. — Пятьсот пятьдесят репостов.

— Так а что репостят-то? — спросила Арина.

— Я пост написала. Про то, что это нарушает права женщин и вот это все...

Мама ткнула в фотографию на мониторе.

— Лазуркин... Андрюша. Теперь он у меня точно огребет!

— Вы что, знакомы? — удивилась Арина.

— В прошлой жизни.

Мама поджала губы, и Арина решила не усугублять ситуацию. Тем более что очень хотелось есть, а спорить с мамой и изучать содержимое холодильника одновременно было сложно. Арина вытащила кастрюлю с рагу и потянулась к тарелке.

— Так ты теперь за права женщин? — спросила она, поставив рагу в микроволновку.

— Я теперь человек, который не хочет, чтоб моя дочь смотрела на дикие, унижающие женщин билборды, — отчеканила мама.

— Я поняла, — сказала Арина, — не буду смотреть.

Мама хмыкнула.

— Не злись, — сказала Арина, — ты всех победишь.

— Почти шестьсот, — хищно сказала мама. — О! Написали из их офиса. Попросят снять публикацию и связаться с ними. Ха! Не на ту напали!

Арина тихонько вышла из кухни, прихватив шоколадку.

*

Виктор надеялся, что игра в молчанку заставит сына нервничать, но того, кажется, вполне устраивало отцовское безмолвие. А когда Виктор демонстративно не стал готовить завтрак, выяснилось, что Тихон в состоянии самостоятельно сварить пельмени. Это добило Виктора. Почему-то он был уверен, что сын без него и полдня не проживет.

В свой бар Виктор явился за час до открытия, заперся в кабинете, который по совместительству был немного складом, и полез в интернет. Сначала просто читал про подростков нетрадиционной ориентации, но быстро запутался. Больше всего было занудных медицинских сайтов, где рассказывалось про гомосексуализм с научной точки зрения. Научная точка Виктора мало волновала, ему нужно было понять, как спасти Тихона.

Он ввел в строку запроса «Как вылечить от гомосексуализма?». Поначалу там тоже шла всякая европропаганда — слово «лечить» везде стояло в кавычках. Мол, глупость это, а не лечение. Но потом удалось найти ссылку на сайт какого-то доктора, который давал бесплатные консультации родителям гомосексуальных детей. Бесплатная там оказалась только интернет-анкета, а за все остальное нужно было платить, зато в комментариях Виктор увидел вопросы таких же, как он, бедолаг.

Разговорился с ними. Ему объяснили, что для лечения нужно найти причину. Если мальчика развратили — найти извращенца и изолировать. Желательно отправить в колонию («Или в реанимацию», — кровожадно добавил один комментатор). Если влияние одноклассников — сменить школу. Проверить, какие книги читает. Оказалось, что сейчас очень много всякой подрывной литературы переводится на русский. Можно еще фильтр установить на компьютер сына, чтобы посещал только надежные сайты.

Виктор с энтузиазмом копировал ссылки и рецепты в специальный файл. Стало понятно, что не он один в такой ситуации. Несколько человек рассказывали про всякие чудоклиники, где лечат голоданием и полугодовой изоляцией, но такой радикальный способ Виктор пока не хотел использовать. Поползли бы слухи, грязь... Он планировал обойтись малой кровью. Главное — способы борьбы существовали, их можно пробовать. Что-то да сработает! Настроение улучшалось.

И тут в беседу влез какой-то умник, который начал гнать пургу: мол, гомосексуальность — это вообще не болезнь, а вариант нормы. И «лечить» (этот гад тоже использовал насмешливые кавычки) ее не нужно. Да и невозможно, потому что она «обусловлена комплексом психических и генетических причин».

Виктор, который до этого только вопросы задавал, взвился.

«Каких еще генетических?! — написал он. — Я нормальный! И отец мой, и дед! И у жены тоже все нормальные были! Или ты меня гомиком обозвал?!!»

Виктор хотел добавить еще пару ласковых, но тут умника забанили. Радости это не добавило. Виктор попытался поискать информацию на других форумах.

И нашел то, что нужно!

«Ученые доказали, что на ДНК младенца оказывают влияние не только гены отца и матери, но и “левые” гены бывших сексуальных партнеров».

«Вот оно! — понял Виктор. — Это мамаша Тихона! Гуляла с каким-то голубым, вот и подцепила голубой ген!»

На сердце полегчало.

★

Домофон Арина открыла, не спрашивая. Хоть мама настойчиво ей каждый раз повторяла: «Посторонним дверь

в подъезд не открывать». Но, когда позвонили в квартиру, Арина аккуратно поинтересовалась, кто там, и посмотрела в глазок. В глазке был огромный букет цветов.

— Мы к Жанне Анатольевне! — сообщил приятный мужской голос.

Арина приоткрыла дверь, не снимая цепочку. Двое мужчин. Один — лощеный красавчик, которого мама назвала Андрюшей, второй — крупный, солидный и усталый.

— Ма-а-ам, это к тебе! — крикнула она.

Но из коридора не ушла. Ей стало интересно.

Мужчины топтались в тамбуре, цепочку пришедшая мама не сняла. Она нахмурилась, скрестила руки на груди и исподлобья смотрела на красавчика, сверкнувшего белозубой улыбкой.

— Дорогая Жанна Анатольевна, наша фирма приносит вам свои искренние извинения за доставленные неудоб...

Тут белозубый сбился и быстро глянул на второго мужчину. Тот нахмурился.

— За доставленное расстройство! — закончил белозубый.

— Андрей Лазуркин, менеджер по продажам нашей компании, — представил его мужчина постарше.

— Я в курсе, — сказала Жанна.

— Мы с Жанной Анатольевной работали вместе... — начал было Андрюша, но осекся под недобрым взглядом Ариной мамы.

Солидный бросил короткий подозрительный взгляд на Лазуркина и продолжил:

— А я Сергей Аксенов, директор. Мы бы очень хотели уладить наш конфликт. И я бы был вам очень благодарен, если бы вы впустили нас в квартиру.

Жанна сняла цепочку. В квартиру сначала протиснулся букет, потом пакет, в котором празднично звякало, а потом уже Лазуркин с директором.

Лазуркин улыбался так, что у Арины заболела челюсть.

— Дорогая Жанна Анатольевна, — начал он еще раз, — наша фирма приносит вам свои искренние извинения...

— Это я уже слышала, — перебила его Жанна.

— Мы вам будем очень благодарны, если вы снимете свою публикацию из сети, — продолжил директор, — это на самом деле недоразумение.

— Да ладно? — язвительно сказала Жанна.

— Это мой просчет, — сказал Сергей. — Андрей у нас сотрудник новый, а я просматриваю далеко не все, что делает

наш рекламный отдел, они много лет прекрасно работают, у меня не было оснований им не доверять. А тут...

Сергей скосил глаза на Андрея, тот протянул Жанне цветы.

— Искренние извинения! — произнес он еще раз.

Жанна взяла цветы. Сергей расслабился.

— Мы снимем эту рекламу сразу! — сказал он и приложил руку к сердцу. — Как только сможем! Вот прям немедленно!

Андрей протянул Жанне пакет, та машинально взяла и его.

— Пожалуйста, — сказал Сергей, — вы не представляете, как вы меня выручите, у меня двести человек в подчинении, много женщин. И скандал нам совсем не нужен, нам гораздо дешевле снять эту рекламу, потому что репутационные убытки будут намного больше...

— Я рада, что вы это понимаете, — сказала Жанна.

— Конечно, понимаю, — Сергей приложил к сердцу и вторую руку, — конечно! Я же сам женат, у меня дочка, что я, не понимаю, что ли... Хотите, фото покажу?

Жанна улыбнулась.

— Я вам верю, — сказала она. — Может, кофе?

— Воды, — сказал Сергей. — Вы знаете, я так переволновался...

— Заходите, — вздохнула Жанна, — кофе тоже сделаю.

Сергей с Андреем прошли на кухню, Жанна включила чайник.

— Черный? С молоком? — спросила она.

— Черный. Красивая у вас кухня, — сказал Сергей.

— Да, — согласилась Жанна, — только нужно карниз повесить, все никак руки не доходят.

— Так и не замужем? — спросил Андрей.

— Нет, — ответила Жанна.

— Понятно, — протянул Андрей.

Сергей пнул его ногой. Жанна напряглась.

— Что тебе, Андрюша, понятно? — ласково спросила она.

— Ну... это... — Андрей опять лучезарно улыбнулся. — Понятно, почему ты так нервно реагируешь.

Сергей побледнел и пнул его еще раз. Жанна поставила банку с кофе на стол.

— Ты, кажется, извиняться пришел? — спросила она.

— Конечно! — сказал Сергей. — Именно! Извиняться!

— Да я же ничего такого! — сказал Андрей. — Я же не в смысле... но это же понятно, что если феминистка, то...

— Кстати! — перебил Сергей. — Мы хотели подарить вам эксклюзивную скидочную карту...

— А если я феминистка, — не дала себя увести от темы Жанна, — то что?

— Ну что-что! — Андрей перестал улыбаться и разозлился. — Ну очевидно же! Был бы у тебя муж, ты бы домом занималась, а не...

— Ты уволен! — прошипел Сергей.

— Да прям! — взвился менеджер. — Я вам продажи поднял в два раза, а вы из-за баб...

— Вон! — заорал Сергей.

— Оба вон! — рывкнула Жанна и швырнула в Андрея букет.

Пакет полетел следом.

Кажется, папа вообразил, что своим бойкотом заставит Тихона нервничать, но добился прямо противоположного. Тихон гордился собой. Впервые за последние полгода отец не выносил ему мозг за завтраком. Не ныл про внешний вид, про «нестриженные патлы» и «спортом займись, слабак!». А все потому, что сын знатно протроллил отца — заставил поверить, что гей.

На второй день папиного молчания Тихон настолько осмелел, что перед входом в школу врезал Саньку, одному из особо наглых одноклассников. Ну как «врезал»... Санек решил, что подкрался незаметно, и попытался сорвать шапку с головы Тихона, но тот успел заметить отражение в двери школы и резко сдернул шапку сам. Так резко, что угодил локтем в бок Саньку. Тот взвыл и собрался броситься на Тихона, но из школы как раз выходила завучиха. Пользуясь этим, Тихон проскользнул в двери и успел переодеться раньше, чем обиженный им одноклассник дошел до раздевалки. Санек настиг его только в классе, где уже раскладывала свои пожитки химичка.

Конечно, рано или поздно Санек до Тихона добрался бы, но тут за дело взялась Арина. Сама она инцидента у школы не видела, но подружки успели описать его в красках.

— Спокойно! — сказала она, усаживаясь за парту рядом с Тихоном. — Они к тебе не сунутся.

Так у Тихона впервые в этой школе появился сосед по парте. Когда он только пришел, все одноклассники уже разобрались по парам и к новенькому никто сесть не захотел. Классная — апатичная дама средних лет — настаивать не стала, да и Тихону нравилось сидеть одному.

Но с Ариной оказалось... нет, не лучше.

Она занимала место, иногда пихалась, то и дело просила карандаш, листик или циркуль. При Арине невозможно было заниматься любимым делом — втихаря делать наброски, которые дома Тихон превращал в полноценные рисунки. И все равно Тихону нравилось, что у него появилась соседка. Особенно когда она случайно прикасалась к нему локтем или коленкой. Тихон вдруг понял, что его давным-давно никто не трогал. Разве что врач на медосмотре. Раньше хоть мама обнимала, но, после того как вышла на работу, времени у нее совсем не стало. Перезванивались на бегу.

Арина была теплая. Тихон чувствовал тепло ее тела плечом. А когда на географии она вдруг повернулась и принялась шептать ему на ухо, Тихона так обдало жаром, что он ничего не понял из слов соседки. Но на всякий случай покивал.

От всех этих потрясений у него отказало чувство времени. Когда оказалось, что закончился последний урок и пора идти домой, Тихон растерялся. Он уже привык к тому, что Арина рядом, что от нее пахнет чем-то неуловимым. И почти не цепенел всякий раз, когда она оказывалась слишком близко.

Арина поняла его растерянность по-своему:

— Не волнуйся, провожу!

Тихон кивнул.

По дороге они болтали о сериалах. То есть болтала только Арина, Тихон отвечал коротко:

— Не-а, не смотрел... Не слышал... Не знаю такого.

— Ты чего? — удивилась Арина, когда они добрались до подъезда Тихона. — Вообще сериалов не смотришь?

Тихон чуть было не признался, что предпочитает экранизации манги, но постеснялся.

— Надо тебя просветить! — заявила Арина. — А то так и помрешь дремучим!

— А давай ты меня прямо сейчас просветишь! — ляпнул Тихон. — Покажешь пару серий!

— Ты меня в гости зовешь? — уточнила Арина.

Тихон представил, как приводит девушку в свою комнату, на ходу записывая ношенные носки под диван и пытаясь быстро прикрыть покрывалом разобранную постель...

— Давай лучше к тебе! — сказал он.

— Нет, — покачала головой Арина, — ко мне никак. Мама... она вообще против того, чтобы мужики... то есть

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru